

ВЕРХОВНЫЙ СУД РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

О П Р Е Д Е Л Е Н И Е № 305-ЭС17-6779 (2)

г. Москва

Дело № А40-181328/2015

23 апреля 2018 г.

резолютивная часть определения объявлена 16.04.2018
полный текст определения изготовлен 23.04.2018

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации в составе:

председательствующего судьи Разумова И.В.,
судей Зарубиной Е.Н. и Самуйлова С.В. –

рассмотрела в открытом судебном заседании кассационную жалобу государственного унитарного предприятия «Мосводосток» на определение Арбитражного суда города Москвы от 03.02.2017 (судья Назарец С.И.), постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 18.04.2017 (судьи Клеандров И.М., Нагаев Р.Г. и Назарова С.А.) и постановление Арбитражного суда Московского округа от 11.07.2017 (судьи Голобородько В.Я., Зенькова Е.Л. и Мысак Н.Я.) по делу № А40-181328/2015.

В заседании приняли участие представители:

государственного унитарного предприятия «Мосводосток» – Ляпин М.Н. (по доверенности от 01.03.2018), Серяков Н.В. (по доверенности от 17.12.2017);
арбитражного управляющего Приступы Владимира Ивановича – Лемешева Л.В. (по доверенности от 29.01.2018);

общества с ограниченной ответственностью «Трест Коксохиммонтаж-Трубопроводстрой» – Кириллов Д.Л. (по доверенности от 01.02.2016).

Заслушав и обсудив доклад судьи Верховного Суда Российской Федерации Разумова И.В., объяснения представителей государственного унитарного предприятия «Мосводосток», поддержавших доводы кассационной жалобы, а также объяснения представителей арбитражного управляющего Приступы В.И. и общества с ограниченной ответственностью «Трест Коксохиммонтаж-

Трубопроводстрой», просивших оставить обжалуемые судебные акты без изменения, Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации

У С Т А Н О В И Л А:

в рамках дела о банкротстве общества с ограниченной ответственностью «Коммерческий банк «Профит Банк» (далее – банк, должник) государственное унитарное предприятие «Мосводосток» (далее – предприятие) обратилось в суд с заявлением о признании недействительным соглашения от 03.02.2016 о расторжении договора уступки требования (цессии) от 28.07.2015 № 1-2807/15, заключенного должником и обществом с ограниченной ответственностью «Трест Коксохиммонтаж-Трубопроводстрой» (далее – трест), и о применении последствий недействительности этой сделки.

Определением Арбитражного суда города Москвы от 03.02.2017 в удовлетворении заявленных требований отказано.

Постановлением Девятого арбитражного апелляционного суда от 18.04.2017 определение суда первой инстанции оставлено без изменения.

Арбитражный суд Московского округа постановлением от 11.07.2017 определение суда первой инстанции и постановление суда апелляционной инстанции оставил без изменения.

В кассационной жалобе, поданной в Верховный Суд Российской Федерации, предприятие просит отменить принятые по обособленному спору судебные акты и направить данный спор на новое рассмотрение в суд первой инстанции.

В отзывах на кассационную жалобу арбитражный управляющий Приступа В.И. и трест просят определение суда первой инстанции, постановления судов апелляционной инстанции и округа оставить без изменения как законные и обоснованные.

Определением судьи Верховного Суда Российской Федерации Разумова И.В. от 14.03.2018 кассационная жалоба предприятия передана на рассмотрение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации.

В судебном заседании представитель арбитражного управляющего заявил ходатайство о прекращении производства по кассационной жалобе на основании пункта 5 части 1 статьи 150 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации в связи с внесением в Единый государственный реестр юридических лиц (далее – государственный реестр) записи о ликвидации банка.

Рассмотрев данное ходатайство, суд не находит оснований для его удовлетворения. Вступившим в законную силу решением Арбитражного суда города Москвы от 12.12.2017 по делу № А40-180014/2017 удовлетворено заявление предприятия о признании незаконными действий регистрирующего органа по внесению в государственный реестр записи о прекращении деятельности должника. Этим же решением суд обязал регистрирующий орган устранить допущенные нарушения.

Вступившие в законную силу судебные акты арбитражного суда являются обязательными для органов государственной власти, органов местного самоуправления, иных органов, организаций, должностных лиц и граждан и подлежат исполнению на всей территории Российской Федерации (часть 1 статьи 16 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации).

Таким образом, в рассматриваемом случае арбитражный управляющий не вправе ссылаться на наличие записи о ликвидации должника как на обстоятельство, препятствующее рассмотрению кассационной жалобы, он должен принять меры, направленные на побуждение к исполнению вступившего в законную силу судебного решения по делу № А40-180014/2017.

Проверив обоснованность доводов, изложенных в кассационной жалобе и отзывах на нее, объяснениях явившихся в судебное заседание представителей участвующих в обособленном споре лиц, судебная коллегия считает, что жалоба предприятия подлежит удовлетворению по следующим основаниям.

Как установлено судами первой и апелляционной инстанций и усматривается из материалов дела, на основании заключенного 28.07.2015 банком (цедентом) и трестом (цессионарием) договора цессии № 1-2807/15 к тресту перешли требования банка к 21 заемщику по 32 кредитным сделкам на общую сумму 614 634 546 рублей 49 копеек.

Независимая оценка уступленной ссудной задолженности не проводилась, отрицательная разница между балансовой стоимостью требований и ценой договора цессии отнесена на убытки банка.

Оплата за уступленные требования в размере 390 262 183 рублей 87 копеек осуществлена посредством внутрибанковских проводок: 27.08.2015 денежные средства были списаны с расчетного счета цессионария, открытого в банке-должнике, и зачислены на счет самого банка.

Приказами Банка России от 08.09.2015 № ОД-2373 и от 08.09.2015 № ОД-2374 с 08.09.2015 у банка отозвана лицензия на осуществление банковских операций, назначена временная администрация по управлению кредитной организацией.

Определением Арбитражного суда города Москвы от 02.10.2015 принято к производству заявление Банка России о признании банка банкротом.

Решением Арбитражного суда города Москвы от 28.12.2015 банк признан несостоятельным, в отношении него открыта процедура конкурсного производства, конкурсным управляющим утвержден Приступа В.И.

Из решения о признании банка банкротом видно, что временной администрацией был выявлен признак недостаточности имущества банка для исполнения обязательств перед кредиторами на момент отзыва у него лицензии.

В ходе конкурсного производства квалифицировав договор цессии от 28.07.2015 как подозрительную сделку и сделку, направленную на предпочтительное удовлетворение требований треста, конкурсный управляющий должником обратился к тресту с предложением о расторжении данного договора.

По взаимному согласию сторон 03.02.2016 договор цессии расторгнут, уступленные требования к заемщикам в размере 614 634 546 рублей 49 копеек возвращены банку, денежные средства в сумме 390 262 183 рубля 87 копеек обратной бухгалтерской проводкой восстановлены на банковском счете треста.

Впоследствии требование правопреемника треста – общества с ограниченной ответственностью «ДимАрт», – возникшее из неисполнения банком обязательств по договору банковского счета (в том числе, в размере восстановленной суммы), включено в реестр требований кредиторов банка с удовлетворением в третью очередь.

Восстановленные вследствие расторжения договора цессии требования кредитной организации к заемщикам реализованы конкурсным управляющим 10.10.2016 посредством публичного предложения за 3 915 187 рублей 70 копеек.

Обратившись в суд с заявлением об оспаривании соглашения о расторжении договора цессии от 28.07.2015 по основаниям, предусмотренным пунктом 2 статьи 61.2 Федерального закона № 127-ФЗ от 26.10.2002 «О несостоятельности (банкротстве)» (далее – Закон о банкротстве), предприятие сослалось на совершение данной сделки с целью причинения вреда кредиторам, поскольку в результате ее совершения произошло, с одной стороны, незначительное увеличение конкурсной массы (за счет возврата требований по ссудной задолженности сомнительных заемщиков, реализованных за 3,9 млн. рублей) и, с другой стороны, существенное увеличение обязательств должника перед трестом по договору банковского счета (на 390,3 млн. рублей). При этом трест являлся заинтересованным лицом по отношению к банку (статья 19 Закона о банкротстве).

Отказывая в удовлетворении заявления конкурсного кредитора, суды исходили из того, что конкурсный управляющий при расторжении договора цессии действовал в пределах полномочий, предоставленных ему статьей 129 Закона о банкротстве. Суды сочли, что отсутствует такой квалифицирующий признак подозрительной сделки как факт причинения вреда имущественным правам кредиторов (статья 61.2 Закона о банкротстве): в результате расторжения договора цессии должнику возвращены активы, которые впоследствии реализованы, вырученная сумма включена в конкурсную массу, какие-либо расходы, кроме расходов на проведение торгов, банк не понес.

Между тем, судами не учтено следующее.

Конкурсный управляющий, исполняя возложенные на него обязанности, как разумный и добросовестный менеджер обязан предпринимать меры, направленные на поиск, выявление и возврат имущества должника, находящегося у третьих лиц, в том числе посредством оспаривания подозрительных сделок и сделок с предпочтением (пункт 4 статьи 20.3, пункты 2 и 3 статьи 129 Закона о банкротстве). При этом главным критерием, на основе которого следует оценивать поведение управляющего, являются интересы должника и его кредиторов. Его действия должны приводить к наполнению конкурсной массы, что позволяет, с одной стороны, наиболее

полно удовлетворить требования кредиторов и, с другой стороны, защитить имущественную сферу должника.

При рассмотрении настоящего обособленного спора конкурсный управляющий Приступа В.И., с которым согласились суды, ссылаясь на то, что договор цессии, по которому отчуждена дебиторская задолженность на общую сумму 614 634 546 рублей 49 копеек, являлся недействительной сделкой по специальным основаниям, предусмотренным законодательством о банкротстве.

Судебная коллегия полагает, что договор цессии, действительно, имел отдельные признаки недействительной сделки: номинальная стоимость переданных по нему требований почти в два раза превысила согласованную сторонами договорную цену данных требований, при этом оплата по договору цессии произведена внутрибанковской проводкой со счета треста, открытого в банке - должнике, в преддверии банкротства последнего, когда безналичные деньги треста как записи по счетам банка могли утратить свое назначение в качестве средства платежа ввиду отсутствия денежных средств на корреспондентском счете кредитной организации.

Однако в рассматриваемой ситуации (исходя из приведенных предприятием доводов) изложенного было недостаточно для вывода о несоответствии договора об уступке законодательству о банкротстве.

Так, предприятие указывало на то, что договор цессии был выгоден должнику и его кредиторам, в то время как расторжение названной сделки повлекло за собой причинение вреда конкурсной массе. В частности, свою позицию предприятие обосновывало тем, что заемщики по переданной банком дебиторской задолженности фактически являлись неплатежеспособными, обладали признаками сомнительных организаций и не имели возможности рассчитаться по полученным кредитам. Уступка требований тресту, являющемуся связанным с должником лицом, преследовала внутригрупповые цели – сокрытие факта высокорискованного кредитования банком ненадежных заемщиков. В результате заключения соглашения об уступке было прекращено обязательство банка перед трестом на 390,3 млн. рублей (то есть трест уже не мог претендовать на включение данной суммы в реестр требований кредиторов банка на случай банкротства последнего и, как следствие, на получение каких-либо средств из конкурсной массы), приобретя взамен низколиквидные требования. После того как не удалось избежать банкротства банка, трест использовал процедуру расторжения договора цессии для изменения сальдо в свою пользу: требования к заемщикам были возвращены в конкурсную массу и реализованы на торгах за 3,9 млн. рублей, в то же время по итогам процедуры конкурсного производства правопреемник треста получил удовлетворение на сумму свыше 53 млн. руб., значительно уменьшив размер причитающегося независимым кредиторам.

Кроме того, как полагало предприятие, конкурсный управляющий, сохранив силу соглашения об уступке, имел реальную возможность оспорить операцию по исполнению трестом обязательства по перечислению цены договора цессии посредством внутрибанковской проводки, после чего взыскать с треста долг по договору цессии в сумме 390 млн. рублей.

Таким образом, предприятие, настаивая на недействительности соглашения о расторжении договора цессии на основании пункта 2 статьи 61.2 Закона о банкротстве, обосновывало совокупность указанных в этой норме обстоятельств (сделка была совершена с целью причинения вреда имущественным правам независимых кредиторов банка; в результате ее совершения такой вред был причинен; трест (другая сторона сделки) не мог не знать об указанной противоправной цели в момент совершения сделки).

В нарушение положений статей 71, 168, 170 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации суд первой инстанции названные доводы предприятия не проверил и не привел мотивы, по которым счел их необоснованными.

Суды апелляционной инстанции и округа названные нарушения не устранили.

Если обстоятельства, на которые ссылалось предприятие, соответствуют действительности, следует признать, что в отличие от обычно оспариваемых в деле о банкротстве подозрительных сделок и сделок с предпочтением соглашение об уступке не отвечало всем необходимым признакам недействительности. Напротив, оно было заключено на условиях, в существенно лучшую для должника сторону отличающихся от цены или иных условий, при которых в сравнимых обстоятельствах совершаются аналогичные сделки. Любой разумный и добросовестный конкурсный управляющий, находясь в сходной ситуации, не стал бы ни оспаривать, ни расторгать подобную сделку. Иное поведение управляющего означало, что он действует в ущерб интересам должника и его кредиторов.

В связи с тем, что судами допущены существенные нарушения норм права, без устранения которых невозможны восстановление и защита нарушенных прав и законных интересов независимых кредиторов банка, обжалуемые судебные акты подлежат отмене на основании части 1 статьи 291.11 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации с направлением обособленного спора на новое рассмотрение.

При новом рассмотрении суду следует учесть изложенное, оценить экономический эффект от договора об уступке для должника и его кредиторов и исходя из этого решить вопрос о наличии предусмотренных пунктом 2 статьи 61.2 Закона о банкротстве признаков недействительности у оспариваемого соглашения о его расторжении.

Руководствуясь статьями 291.11 – 291.14 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации

О П Р Е Д Е Л И Л А:

ходатайство арбитражного управляющего Приступы В.И. о прекращении производства по кассационной жалобе государственного унитарного предприятия «Мосводосток» оставить без удовлетворения.

Определение Арбитражного суда города Москвы от 03.02.2017, постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 18.04.2017 и постановление Арбитражного суда Московского округа от 11.07.2017 по делу № А40-181328/2015 отменить.

Обособленный спор направить на новое рассмотрение в Арбитражный суд города Москвы.

Настоящее определение вступает в законную силу со дня его вынесения и может быть обжаловано в порядке надзора в Верховный Суд Российской Федерации в трехмесячный срок.

Председательствующий судья

И.В. Разумов

судья

Е.Н. Зарубина

судья

С.В. Самуйлов